Ныне живущим события прошедшей жизни кажутся зачастую нереальными. Справедливо возникает стремление сопоставить окружающее с минувшим, задать вопросы о правдивости произошедшего. И, погружаясь в прошлое в поисках ответов, люди с удивлением обнаруживают знакомые мотивы поступков, неизменяемые в течение столетий эмоциональные порывы, столкновение интересов, радость от самого незначительного. С изучением исторических документов приходит понимание того, что и окружающая действительность оказывается не сильно изменившейся. Всё это с полным правом можно отнести к коломенским улицам, на которых в течение столетий разворачивались сцены сродни театральным. Стоит приоткрыть обложку книги Коломенского магистрата более чем двухсотлетней давности из собрания музея-заповедника «Коломенский кремль», и на тебя широким потоком обрушивается многоголосый хор местного общества, в котором обретают свои черты дворяне, именитые граждане, купцы, мещане, крестьяне, солдаты... Итак, год 1792-й от Рождества Христова, Московская губерния, город Коломна.

28 января магистрат получает запрос из Московского нижнего надворного суда. В нём содержится просьба навести справку о человеке, назвавшемся коломенским мещанином Иваном Степановым. Излагаемая с его слов биография

заслуживает особого внимания. Родившись в приходе коломенской церкви Богоявления Господня, он в четырнадцатилетнем возрасте, в 1768 году, взял паспорт с целью попытать счастья в других городах. В 1779 году Иван отплывает на корабле в Амстердам с товарами архангелогородского купца Алексея Голубина. Возвратившись, Степанов переходит к купцу города Кола Семёну Голюшкину и отправляется уже с его поручением в Копенгаген. И здесь в судьбе коломенского мещанина происходит крутой поворот. Корабль оказывается разбитым бурей, и вплоть до 1790 года наш герой вынужден жить в Дании. Затем, перебравшись в Ригу и поступив в услужение к малороссийскому пану Ивану Шуму, он отбывает в Новгород-Северский. Не получив положенных за работу денег, коломенец является в Северский нижний земской суд и выдаёт себя за беглого. Отсюда начинается отдельная история.

Оказавшись в Коломне, Иван Степанов заявляет, что на самом деле его зовут Николаем Степановым сыном Шепелевым. Отцом своим он указывает купца Степана Васильева по прозванию Шепелев, матерью — Аграфену Алексееву, а восприемником при крещении — Василия Шепелева, имевшего трёх дочерей. Выяснилась и ещё одна любопытная деталь: перед отлучкой Николай Шепелев женился на Федоре, дочери коломенского купца Якова Гусева, и венчался в Коломне в Богоявленской церкви священником Иоанном. Мещанскому старосте Пахому Казакову было дано поручение подтвердить или опровергнуть данные показания. Было опрошено почти сорок человек, имевших родственные связи с семейством Шепелевых. Далее состоялась очная ставка с Артамоном Коняхиным, Родионом Безносовым, Михаилом Чековитовым, Порфирием Брюзгиным, Василием Добычиным и Лукерьей Фалиной. Указанные лица не опознали в представленном им человеке Николая Степанова, который по их описанию «был приметами росту высокого, лицом смуглой, а те волосы на голове, усе и бороде чёрные». Более того, Артамон Коняхин утверждал, что повстречал Николая два года назад на рынке в Риге, и тот сообщил ему о своей записи или в купцы Динабурга, или в ревельские дворцовые крестьяне. Наиболее ценным свидетелем оказалась Наталья — сестра

жены Николая Шепелева. Она свидетельствовала, что её сестра с мужем жительствуют в Риге, а «присланный из Москвы в сей магистрат человек, которого она видела, называется именем его ложно и оный совсем не тот, в чём утверждает по сущей справедливости». Вполне вероятно, что присланный в Коломенский магистрат был хорошо знаком с Николаем Шепелевым и использовал его биографию с целью скрыться. Возможным сюрпризом для него оказалась родственная корпорация коломенцев, в чём мы видим продолжение и в сегодняшнем времени.

Ещё одной интересной страницей, показывающей многочисленные связи коломенцев, являются дела заседаний Коломенского городского магистрата по запросам из различных мест обширной Российской империи. Среди них протокол о казённом убытке на Трубчевском винокуренном заводе от деятельности коломенского купца Родиона Ермолаева; апелляционная просьба коломенского купца Семёна Семёнова сына Панина об оплате ему за свежее говяжье мясо 500 рублей егорьевскими купцами Петром Булыгиным и Василием Курбатовым; принуждение коломенского купца Мартына Ильина к расчёту с белёвским купцом Иваном Бакаевым за вывезенную из Астрахани рыбу.

Подобного рода разбирательства могли тянуться продолжительное время. И, как это часто происходит и в наше время, волей-неволей приходится вспоминать о, казалось бы, забытых событиях и людях. Примером может служить указ Московского губернского правления о неприёме купцом Родионом Ермолаевым как откупщиком *(лицо, получившее от государства право сбора налогов или доходов с населения)* в 1777 году на Трубчевском казённом винокуренном заводе вина на 987 рублей 96 копеек. За прошедшее время в судьбе Родиона Ермолаева, известного в Коломне под фамилией Парамонов, произошли существенные изменения. При этом показания свидетелей и официальные документы несколько разнились. Собрать сведения о Родионе поручили купеческому старосте Тимофею Житникову. Свойственник коломенского купца, Фёдор Гречишников, утверждал, что Ермолаев покинул Коломну около тридцати лет назад с женой, дочерью московского купца Марией Степановой, и сыном Михаилом. Официальная справка из магистрата показала несколько иное. На 1778 год Ермолаевым был объявлен капитал в две тысячи рублей, и в тот же год он умер в возрасте около 45 лет, а его жена и сын отбыли в неизвестном направлении. Но, несмотря ни на какие обстоятельства, дело было рассмотрено по всем правилам и опиралось на положения, установленные манифестом 1787 года, гласившие, что «всякое дело или преступление уголовное, которое в течение десяти лет не сделалось гласным, долженствует предано быть вечному забвению». В итоге коломенское общество отстояло интересы своего члена, пусть уже не состоявшего в его рядах.

Яркими штрихами расцвечивают полотно жизни коломенского общества сообщения о многочисленных кражах. Благодаря этим сообщениям мы можем не только дополнить сведения о жителях, но и увидеть бытовую сторону их жизни. Любопытно расследование о краже из дома крестьянина села Дединова Авдея Суранова на Никольской *(ныне Посадской)* улице. В этом жилье, состоявшем в приходе церкви Николая Чудотворца, снимал квартиру *(или как часто тогда писали — фатеру)* некий Ермил Петров. Он, как крепостной дворовый человек, принадлежал коллежской советнице

Татьяне Ивановне Тетюшевой — дочери богатейшего коломенского купца Ивана Тимофеевича Мещанинова. Ермил Петров занимался портновским делом и работал на посторонних людей. Летом 1792 года Коломенским магистратом на него было заведено дело о подозрении в краже совместно с коломенским мещанином Власом Тимофеевым икон и различной одежды из снимаемого помещения. О происшествии заявили жена Авдея Суранова Татьяна Казмина и Наталья Игнатова, которой он приходился пасынком.

Татьяна Тетюшева свидетельствовала, что 22 апреля Ермил не явился в её дом и скрылся в неизвестном направлении, подговорённый обозначенным мещанином (при расследовании оказалось, что Влас Тимофеев носил фамилию Сивяков и состоял в купечестве). Татьяна Ивановна приложила к делу реестр, описывающий имущество её дворового человека. Из трёх показанных образов выделялась икона Тихвинской Божией Матери, имеющая длину девяносто сантиметров. Также было сказано о медном кресте и двух хрустальных лампадах. Среди одежды (или платья) были отмечены суконная шуба на калмыцком меху, тулуп, несколько кафтанов, бобровая шапка, две шляпы, кушак, рубахи. Обращает на себя внимание упоминание ножниц, утюга, плиты для мочки сукон.

События между тем продолжали развиваться. Сысканный купец Сивяков объявил себя старообрядцем и показал, что ему исполнился двадцать один год. В своём рассказе он полностью отрицал свою причастность к краже, а знакомство с Петровым объяснил заказом у того различного платья. Относительно дня совершения кражи коломенский купец утверждал, что 20 апреля он пришёл к портному Ермилу и взял у него своё Евангелие, а Ермил держал в руках икону Тихвинской Богоматери, с которой и вышел из дома. Татьяна Казмина в свою очередь дала показания о том, что Ермил Петров нёс кулёк с образом и медным крестом в киоте, а Влас Сивяков в руках держал большой образ Тихвинской Богоматери. Наталья Игнатова утверждала, что Сивяков нёс икону на голове, придерживая руками. Отметим, что члены магистрата не спешили с выводами и проводили расследование с максимальной долей объективности. До решения дела Сивяков был отдан под расписку коломенским купцам Ивану меньшему Попову, Петру Тулинову и Агапу Ильину. Между тем в словах пострадавших появлялись всё новые подробности: в частности, в тяжбе начало фигурировать полотенце, в которое был обёрнут образ Тихвинской Богоматери. Изменение привело к закономерным вопросам о правдивости пострадавших, и Сивяков был оправдан из-за невозможности доказательства его вины.

Строго велось наблюдение за законностью действий горожан и в других вопросах. Об этом свидетельствует дело о беглой крестьянской жёнке Афимье Власовой из деревни помещика Дмитрия Головина Новиковой, располагавшейся в Зарайском округе Рязанского наместничества. Выяснилось, что к побегу её подговорил крестьянин Федот Иванов из села Мещеринова Коломенского округа, принадлежавшего графу Николаю Петровичу Шереметеву. Придя в Коломну, пара крестьян провела две ночи на постоялом дворе, после чего они попросились на жительство к мещанке Марфе Устиновой, вдове Анура Голишникова. В этот дом, состоявший в приходе церкви Архангела Михаила, Федота привёл ко-

ломенский мещанин Панкрат Назаров, назвавший Иванова отставным солдатом, готовым платить за жильё три рубля в год. Немного погодя Федот привёл в дом Афимью, представив её своей женой. Несмотря на выгодные условия, Марфа Устинова не преступила закон, потребовав от жильца паспорт для записи в полицию. Прождав два дня и не получив документа, Марфа сообщила о постояльцах сотскому Власу Рудакову. При этом информация дошла до сотского с некоторым опозданием, поскольку, по его словам, «в то число был торжественный день, и он, Рудаков, с утра и до отпетия благодарственного молебна находился при пальбе из пушек». История закончилась арестом беглой крестьянки поручиком Долговым и ратманом Ильиным, а мещан Голишникову и Назарова освободили от наказания, предписав им, чтобы «впредь к долговременному проживанию у себя никого не допущали».

Весьма показательной в плане соблюдения властями порядка в городе оказывается покупка ночью мёртвой коровы мещанином Авдеем Голишниковым, проживавшим в Запрудной слободе в старом деревянном доме коломенского купца Степана Фёдорова сына Панина без найма. Сержант Иванов и сотский Михайлов 14 сентября усмотрели у Авдея в квартире мёртвых корову и свинью. Подобная ретивость служащих подтверждалась и наставлениями московского губернатора, генерал-поручика Петра Васильевича Лопухина, касающимися осмотрительности в вопросе скотского падежа. Голишников объяснил, что мёртвого чёрного борова он обнаружил около запрудских боен напротив огородов и вечером 13 сентября принёс к себе домой. А в ночь на 14 сентября неизвестный крестьянин, постучавшись к нему, предложил за тридцать копеек мёртвую корову, объевшуюся вёха *(или цикуты)*. Вопрос был решён путём зарывания туш вместе с кожами на поле. При разбирательстве также оказалось, что на Авдея Голишникова были наложены вексельные взыскания, и ему было предложено предоставить себя в работу желающим.

Представленные эпизоды из жизни Коломны показывают, что человек остаётся человеком во все времена. Ему свойственно ошибаться, пускаться

в авантюрные предприятия, находить точки соприкосновения и учитывать окружающие обстоятельства. Сменяющиеся поколения передают свой опыт, рассказывают о себе через воспоминания и документы и надеются, что их не забудут.